

РИСКОВАННЫЕ ИГРЫ

П Р О З А

ВАЛЕРИЯ **БОЧКОВА**

Ч И Т А Й Т Е   В   С Е Р И И

КОРОНАЦИЯ ЗВЕРЯ

ХАРОН

ВРЕМЯ ВОДЫ

ОБНАЖЕННАЯ НАТУРА

В БАЛЧЕКРОВИЙ

ОБНАЖЕННАЯ НАТУРА

роман

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б86

Художественное оформление серии
Петра Петрова

Бочков, Валерий Борисович.

Б86   **Обнаженная натура** : роман / Валерий Бочков. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Риско-
ванные игры).

ISBN 978-5-699-95627-2

Гамлет готовится к защите диплома в художественном училище, Офелия ездит на сборы спортшколы, Клавдий колесит по Москве на «Жигулях» цвета «коррида» и губит брата не ядом, а Уголовным кодексом... Неужели мир настолько неизменен и бесчеловечен? Что ждет современного Гамлета?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95627-2

© **Бочков В., 2017**
© **Оформление.**
ООО «Издательство «Э», 2017

ЧАСТЬ I

Хочешь, я расскажу тебе, как нас учили рисовать?

Обучение классическому рисунку — штука нудная и малоинтересная, и начинается оно с правильной заточки карандаша. Господи, сколько карандашей я перезатачивал — триста, пятьсот, тысячу! — прежде чем освоил эту премудрость! Никаких точилок, никаких механических приспособлений — только нож и руки. Нож должен быть тяжелым, с бритвенно-острым лезвием. Некоторые пользуются скальпелем, но у скальпеля при завидной остроте недостает веса. Торопиться нельзя, плавность движений — залог успеха, очень важно воспринимать процесс не как досадную неизбежность, а как творческий акт: грамотно заточенный карандаш должен стать твоим первым произведением искусства.

Выбор бумаги тоже важен. Плотный и чуть шершавый ватман — вот идеальный вариант для классического рисунка. По гладкой бумаге графит будет скользить, как по стеклу, чересчур шершавая поверхность вроде торшона — бумаги, идеальной для акварели, — при штриховке проявит свою фактуру и даст грязь. На-

стоящий рисовальщик никогда не скручивает бумагу в рулон, этим художник отличается от чертежника. Ватман рисовальщика хранится в папке, именно по этим черным гигантским папкам всегда можно выделить из толпы будущего мастера.

1

Меня приняли в Брю, или, если официально, в художественно-графическое училище имени Карла Брюллова, в неполных восемнадцать лет. Я оказался самым юным в группе, не считая Людочки Беккер, которая, впрочем, и через пять лет, на дипломе, выглядела почти школьницей. Училище размещалось на задворках Лефортова, в бывшей немецкой слободе, в старом школьном здании из красного кирпича с белеными колоннами. Фасад украшали мертвые часы, застывшие на половине первого, да еще цементные барельефы писателей: Толстой напоминал Дарвина, а Горький больше походил на Ницше. А может, это и был Ницше, коварно отлитый каким-то диссидентствующим скульптором. Парадный подъезд выходил на узкую улицу, которая упиралась в глухой зеленый забор. Из-за забора выглядывали макушки кленов и изредка доносилась заунывная музыка Шопена. Там начиналось немецкое кладбище.

Весь третий этаж занимали классы живописи и рисунка, в коридорах терпко пахло масляными красками.

ми и скипидаром, вдоль стены на грязноватых тумбах стояли пыльные гипсовые головы — лобастый Цезарь, гладкий Аполлон, взъерошенный Сократ. До них мы добрались лишь к концу третьего семестра.

Первый курс начался с унылого натюрморта — щербатый гипсовый конус на фоне линялой коричневой тряпки. Через несколько занятий к конусу добавился шар, потом еще и цилиндр. Цель тоскливых упражнений сводилась не только к умению составить гармоничную композицию на листе, но и к освоению технических навыков — рука рисовальщика должна стать идеально точным инструментом.

Во время осады Флоренции принцем Оранским Микеланджело угодил в плен; ему удалось избежать смерти, убедив испанцев, что он не шпион, а художник, нарисовав с закрытыми глазами два идеальных круга метрового диаметра — одновременно правой и левой руками. На самом деле Микеланджело, не будучи лазутчиком, являлся одним из руководителей обороны города, гонфалоньер Каппони назначил его архитектором всех фортификационных сооружений Флоренции. Именно его стены превратили город в неприступную крепость.

Если вдуматься, то любой художник по своей сути — обманщик. Иллюзионист. Ведь что такое картина, если не визуальный фокус? На плоской поверхности путем разных художественно-графических трюков создается иллюзия трехмерного мира. Посмотрите на толпы зрителей, зачарованно блуждающих по галереям и музеям мира: с какой страстью и трепетом они

вглядываются в эти старые холсты, натянутые на подрамники и покрытые разноцветными красками! Ради них идут на преступления. А какие сумасшедшие деньги платят на аукционах — и за что? За раскрашенные тряпки, вставленные в золоченые рамы.

Классический рисунок подкупает своим аскетизмом, своей честной простотой. Живописец вооружен палитрой с сотней оттенков каждого из цветов радуги, у него на выбор кисти всех размеров — от острой, как жало, нулевки до малярного флейца. Рисовальщик подобен матадору: в правой руке — карандаш, в левой — ластик. Перед ним — пугающий своей девственной белизной лист ватмана. Как страшно нанести первый штрих, испортить гармонию идеальной пустоты своей корявой линией!

К концу семестра мы перешли к капителям — три классических ордера: простой дорический, с плоским эхином, затем — ионический, с двумя волютами, напоминающими закрученные бараньи рога, и под конец — коринфский, без меры украшенный завитками и финтифлюшками. Рисовать гипсовые колонны оказалось не более интересно, чем дурацкие кубы и пирамиды.

Зато новый учебный год открылся сюрпризом: на подиуме, закутанном черной драпировкой, сахарной головой белел человеческий череп. Череп был гипсовой отливкой превосходного качества, отлично были видны соединения костей, из которых состоит человеческая голова. В следующем семестре мы уже рисовали скелет целиком. Покончив с костями, мы

перешли к мышцам, а именно к знаменитым моделям Жан-Антуана Гудона: жутковатые для неподготовленного зрителя, они представляют собой копию человека в натуральную величину, только без кожи. Они так и назывались «экорше», что в переводе с французского означает «ободраный».

К концу зимы мы уже были готовы к главному испытанию — к обнаженке, или, если официально, к рисунку обнаженной натуры. Первой моей моделью оказался коренастый старик с большими желтыми ступнями и красными узловатыми руками. Он возвышался на подиуме, опираясь на палку от швабры, точно на копьё, усталый, с выпяченным бледным животом и внушительными гениталиями, затянутыми в холщовый мешок на завязках. Людочка Беккер, ее мольберт стоял рядом с моим, наливалась румянцем, стараясь не пялиться на седые космы, торчащие из этого импровизированного гульфика. У ног старика тихо потрескивал рефлектор с жаркой оранжевой спиралью.

После старика, к началу марта, появилась крашенная тетка, которая требовала называть себя Ангелиной Павловной. Она была профессиональной натурщицей, по слухам, в молодости ее рисовал даже кто-то из академиков. Тетка по-барски долго раздевалась за ширмой, после томно выплывала оттуда в черном атласном халате с порочными кружевами. На стул она пристраивала подушку.

Нагота Ангелины Павловны была далека от эротизма — сероватые прожилки на парафиновых грудях,

куриная кожа дряблой шеи, жирные ляжки и грязные плоские пятки производили скорее обратный эффект. Впрочем, значения это не имело, поскольку, стоило мне прикоснуться карандашом к бумаге, голая женщина в моем сознании исчезала, и на ее месте появлялась обнаженная натурщица, обращенная ко мне в три четверти. С этого момента Ангелина Павловна превращалась в гармоничную конструкцию из идеальных костей, обтянутых превосходно упругими мышцами. Динамичный поворот торса, сильная шея, горделивая посадка головы, энергичный угол локтя — вот что я видел. Даже складки жира неожиданно обретали визуальную привлекательность, варикозные вены и непробритые подмышки становились любопытными объектами для рисования.

В перерывах Ангелина Павловна отдыхала в преподавательской. Она курила длинные и тонкие, как гвозди, сигареты, оставляя на золотом ободке мундштука кровавую полоску жирной помады. Натурщица неспешно прохаживалась, стряхивая пепел небрежным жестом прямо на пол. С важностью королевы в изгнании она поглядывала в коридор, время от времени появляясь в открытом проеме распахнутой двери. Или, благосклонно наклонив голову, слушала байки Ильи Викентьича, нашего учителя рисования, мелкого и ухватистого мужичка, похожего на уволенного за пьянство сельского дьячка.

В начале апреля она заболела. Слегла с воспалением легких, о чем сообщил нам Викентьич, озадачен-

но почесывая репинскую бородку. Дело в том, что по рисунку обнаженной Ангилины Павловны нам должны были ставить оценку за семестр, а из семидесяти двух часов, отведенных на задание, мы отрисовали лишь половину. Викентьич пообещал к следующему занятию раздобыть нам новую натуру, юные рисовальщики возмутились: никому не хотелось начинать задание с нуля. Бунт закончился побегом с занятий, часть группы пошла в кино, другая, включая Илью Викентьича, — в пивную у трамвайного депо.

2

Пытаюсь вспомнить, как я тебя впервые увидел. Вернее, что почувствовал, ведь не мог не почувствовать, правда? Сейчас-то мне кажется, что был удар, глухой и мощный, точно столкнулись две вселенные. Бабах! — и эхо, как от дальнего грома... А за секунду до этого я ощутил, ощутил нутром, ощутил кожей, взмах больших и упругих крыльев над головой. Знак? — безусловно. Но ведь крылья бывают не только у ангелов — верно? — да и ангелы бывают разные.

В ту пятницу я опоздал. Утро выдалось сиротское, прищуренное, с неба сыпал мокрый снег — и это в апреле. Я забыл перчатки и плелся по лужам от трамвайной остановки в сторону кладбища. Дерматиновая папка с бумагой и метровым подрамником, к тому же

набитая всяким художественным хламом, упрямо сползала с плеча.

В аудитории пахло сырой пылью и тряпками, точно в нетопленной лавке старьевщика. Студенты моей группы, человек восемь, уже расставили мольберты вокруг подиума. Я втиснул свой мольберт, неживыми пальцами прикнутил лист. Достал нож, начал точить карандаш. На подиуме стоял пустой стул. Точнее, стул был не совсем пуст, на сиденье сияла вишневым атласом кокетливая подушка с вышитым золотой ниткой петухом — все, что осталось от величественной Ангелины Павловны.

За окном снег сменился дождем, капли увесисто колотили по жести подоконника. Из-за драной ширмы выглядывали резиновые сапоги пронзительно желтого цвета — в таких гринписовцы спасают заляпанных нефтью пеликанов на Калифорнийском побережье. Тонкая струйка воды вытекла из-под литой рифленой подошвы. Людочка Беккер тронула меня за плечо и попросила нож, я взял нож за лезвие и хотел протянуть ей, но так и застыл на полпути. Замер, как истукан.

Именно в этот момент из-за ширмы появилась ты. Бесшумно ступая на цыпочках, ты в три шага поднялась на подиум, скользнула по мне взглядом и опустилась на вишневую подушку с золотым петухом. Три вещи произошли одновременно: в аудитории стало светлее — понимаю, звучит дико пошло, но это истинная правда, — словно солнце проклюнулось сквозь пелену туч и заглянуло в окно. Это раз. Вторая: за моей спиной

тихо присвистнул Игорь Малиновский, талантливый мерзавец, с лицом парижского педераста, на которого (по непонятной причине) вешались все девицы курса. За этот свист я был готов вырвать его сердце голыми руками. И третья — с кладбища долетел траурный марш Шопена, а именно та его часть, третья, где неожиданно возникает мажорная мелодия, робкая и певучая, точно ангельский голос пробился сквозь черноту ада, намекая, что не все еще потеряно.

Поперек твоего живота отпечатался след от резинки — трусов или колготок. По неясной причине эта розовая, едва различимая полоска показалась мне невероятно эротичной и целомудренной одновременно. Не крупные темные соски и не плавная линия бедра, не сладострастная, почти животная, выгнутость спины и не золотистый пушок на полинявшем загаре рук — нет, невзрачный след от резинки. Я сглотнул слюну, чувствуя, как разгораются мои уши.

Описывать красоту женского тела — занятие безнадежное. Да и что есть красота? Восточные эротоманы воспевали женский пупок, особенно их возбуждала его вместительность — о, дивная пери, твой пупок вмещает сорок унций благовонного масла. Они же сравнивали женские ноги с мраморными колоннами. У Тициана есть загадочная картина, которая называется «Любовь небесная и любовь земная». Композиция проста: на мраморном саркофаге с барельефом каких-то затейливых узоров сидят две женщины. Слева — венецианская матрона в белом платье и с мандолиной в руках, справа — обна-

женная дама с чашей, в которой пылает огонь. Я всегда считал мадам в белом платье аллегорией любви небесной — прилично одетая, да к тому же с музыкальным инструментом. Нагота же ассоциировалась с чувственностью, греховностью, безусловно, атрибутами земного бытия. Выяснилось, что все как раз наоборот — голая тетка олицетворяла чистоту чувств, а расфуфыренная модница в расшитом бисером платье, батистовых перчатках и розами в волосах — тщеславие и фальшь.

В аудиторию боком задвинулся Викентьич, прикрыл дверь. Начал говорить, закашлялся, махнул рукой, начал снова:

— Бездельники и оболтусы! Относится не ко всем. — Он бережно вытер губы белым платком. Викентьич был на редкость опрятным алкоголиком. — Но те, к кому относится, это знают. Не верьте, что с четвертого курса не отчисляются, отчисляются, и еще как! По результатам этого задания будет выставляться оценка за семестр, которая, безусловно, повлияет на оценку за год. Более того, для тех из вас, кто мечтает защищать диплом по моей кафедре или кафедре Шустова, наступает момент истины...

Он со значением посмотрел на меня, на Малиновского, потом на Заику. По слухам, отец Викентьича служил в личной охране Сталина, у них дома, на Кутузовском, якобы хранилась вересковая трубка вождя — подарок Виссарионыча верному телохранителю. Отца я не видел, но сам Викентьич был на удивление мелок, плюгав и тщедашен.

— Сорок два часа — уйма времени. Леонардо, Веласкес, Дюрер или Репин за это время создали бы шедевр. Хочу посмотреть, на что способны вы. Тем более с такой... — Викентьич замялся, неловко повернулся к подиуму, — м-м, э-э, с такой моделью. Прошу любить, как говорится... Наша новая натурщица — Лариса...

Он сделал паузу, взглянул на тебя, ожидая отчества.

— Лариса, — повторила ты. — Просто Лариса.

3

Смысл рисунка — не в копировании природы, натура — всего лишь отправная точка, она — твоё вдохновение. Нельзя по частям, как это делают новички, переносить природу на бумагу: срисовать похожий глаз, к нему приделать нос, потом пририсовать плечо и руку. Перед тобой чистый лист, пустота. Ты подобен Творцу. Ведь недаром говорят, что творчество — единственная божественная черта в человеке.

Я чуть отодвинул стул — расстояние до мольберта должно быть равно вытянутой руке. Прищурился и сосредоточился. Начало процесса рисования подобно медитации. Ещё до того, как карандаш коснется бумаги, важно увидеть, каким будет твой рисунок в законченном виде. Увидеть и попытаться удержать образ в своём сознании. Композиция в листе — первый шаг, ошибка здесь будет непоправимой. Как бы мастерски